

Валентина Белыева

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Рассказ

Это история моего отца. Война – не только чудовищна, она как в зеркале отражает сущность человеческой личности...

I

Шло лето 1941 года. Немцы без особых усилий и потерь продвигались по территории Советского Союза всё дальше на восток, и «План Барбаросса» фашистской Германии на молниеносную войну укладывался в намеченные сроки. Германское руководство не скрывало своего ликования: всё шло в соответствии с разработанной стратегией.

Под Смоленском, сравнительно недалеко от Москвы, в густых девственных лесах бродили брошенные командирами советские полки. В войсках, которые в тех условиях никакими войсками считаться уже не могли, царил хаос, командование отсутствовало, никто из солдат и офицеров никому не подчинялся, каждый был беспомощно предоставлен самому себе. Они оказались в окружении, потому как линия фронта была уже на востоке, но об этом никто из них не знал, лишь смятение и разброд владели умами несчастных военных.

С начала войны эти солдаты и офицеры не получили ничего, чем можно было бы воевать, – ни оружия, ни боеприпасов, не ощутили необходимой воинской дисциплины, разумного командования, не получали чётко поставленных задач. Перед ними были лишь растерянные лица командиров, которые сами не ориентировались в реальной обстановке, и никто из тех военных, едва волочивших ноги в высокой траве по лесам, так странно и нелепо звеневшими радостными птичьими голосами, с начала войны не видел ничего, кроме бешеных свистящих вражеских бомб, несущих смерть вокруг, и клубящихся пылью дорог родной страны под грубыми кирзовыми сапогами.

Огромные воинские формирования машинально передвигались на спасительный, как казалось, восток, не имея ни малейшего представления о том, что их ждёт. Исподволь подкрадывался самый настоящий голод, воля к жизни незаметно истончалась, и сознание солдат и офицеров постепенно вползало в плен тупого безразличия. Потеряв ориентацию в пространстве, времени и окружающей действительности, всё больше похожие на стада животных, люди не знали, что им делать, и вскоре брели куда попало.

II

Небольшими группками они хаотично передвигались по бескрайним лесам в поисках хоть какой-нибудь пищи, когда лейтенант Красной Армии Иван Ховрич почти неосознанно отделился от товарищей и через какое-то время вышел на опушку леса. Внезапно он почувствовал невесть откуда взявшийся приятный прилив какого-то неестественного чувства, хотя и слабой, немощной, но всё же бодрости духа в отдалённом глухом и волнующем предчувствии важного события. Чем оно было обусловлено, лейтенант не понимал и некоторое время стоял неподвижно, как будто опасаясь спугнуть это своё новое состояние, дававшее хлипкую надежду на какие-то перемены в его жизни.

С опушки на возвышенности хорошо виднелась деревня – крытые почерневшей соломой приземистые избы с гнёздами аистов на крышах и крохотными подслеповатыми окошками, изгороди из вязаных прошлогодних стеблей подсолнечника, сады, сараи, медленно бредущие на выпас мычащие колхозные коровы и даже местные крестьяне с тяпками в огородах. Немцев в деревне ещё не было.

Местность вокруг была усыпана листовками, сброшенными с самолёта. Дождь размочил бумагу, но содержание их, хоть и с большим трудом, всё же можно было разобрать. Листовки были двух видов. На одной из них на чистейшем русском языке на хорошей пишущей машинке под копирку был отпечатан текст с обращением к окружённым войскам: вермахт предлагал им сдаться в плен и убедительно заверял, что в ближайшее время победа Германии неизбежна. В другом виде листовок содержалось объявление местным жителям о запрете принимать в своих домах советских военных и предупреждение, что всех, кто его нарушит, ждёт немедленный расстрел всей семьи.

Наступило летнее утро. Над землёй поднималось безразличное солнце, всюду бросая свои, казалось, коварные серебристые блики, вокруг сияла обманчиво-радостная животворящая зелень, заботливо обмытая тёплыми струйками ночного дождя, в свежем воздухе звенел весёлый беззаботный щебет птиц, а из деревни доносилось извечное кукареканье петухов и мычание коров. Умиротворённая природа будто не признавала царившей действительности, и хотя это была уже оккупированная территория, местные жители ещё не успели ощутить и осознать смертельное дыхание надвигающихся событий, которые несла за собой война. Немецкие фашисты, вооружённые до зубов, продвигались вглубь чужой бескрайней земли, извещая местных жителей о своём прибытии оглушительным грохотом новеньких блестящих мотоциклов.

Здесь ещё стояла нетронутая тишина. Сердце лейтенанта отчаянно билось, рассудок был уже неподвластен, он куда-то улетел, и Иван ощущал лишь невесомое тело, стремящееся без его участия вперёд. Усилием воли взяв себя в руки, потихоньку, крадучись, он решил зайти в ближайший огород, чтоб сорвать там что-нибудь и съесть. Стрекотали кузнечики, и молодому человеку показалось, что он попал в детство, наполненное вот этим удивительно щемящим звоном. В какой-то миг душа его наполнилась загадочно чистой надеждой, и голод с новой силой заявил о себе. Это и была жизнь!

Она безжалостно напоминала о своих правах и вела уже сама по себе, всё дальше и ближе к человеческому жилью. Пройдя сквозь небольшой участок колосящейся ржи, Иван, как назло, попал в посадки картофеля и, осенённый неясной какой-то радостной тревогой, пошёл дальше в надежде наткнуться на огурцы, морковь или капусту.

III

И вдруг неподалёку от ближайшей избы Иван увидел двух крестьянских баб, пропалывавших овощные грядки. Сердце его бешено колотилось в неясном предчувствии каких-то неизбежных и, скорее всего, благоприятных перемен, оно готово было выскочить из груди навстречу спасительному счастью, которое, он знал, вот-вот произойдёт. Лейтенант не задумывался над тем, как поведёт себя, у него не было на это ни сил, ни желания. Отрезвев от волнения, он решил подойти к женщинам и попросить что-нибудь из еды. Иван чувствовал, что имеет на это моральное право.

Приблизившись к крестьянкам, он вздрогнул от неожиданности и поневоле задержал внимательный взгляд на одной из них, потому как лицо её показалось ему хорошо знакомым. Откуда в чужой деревне недалеко от Москвы, вдали от родного дома в богом забытом посёлке на Украине в Сумской области, знакомое лицо? Конечно, ему это показалось. Иван вдруг вспомнил, что все на свете люди похожи друг на друга, и нет ничего удивительного, что кто-то похож на другого больше, чем все остальные. Женщина тем временем отвернулась и начала старательно полоть грядку. Другая же, как-то странно оцепенев, пристально вглядывалась в лейтенанта, стараясь разгадать, что же таит в себе эта непредсказуемая и такая неожиданная встреча.

Иван чувствовал, как наполнялось и прояснялось его сознание, ощущение голода отступало, отдавая дань каким-то неясно надвигающимся событиям. Стояла тишина, и только шуршание тяпки о землю нарушало её невыносимый звон.

Каким-то глубоким подсознанием лейтенант почувствовал, что именно сейчас произойдёт что-то чрезвычайно важное. Не сознавая себя, он приблизился к загадочной незнакомке. Она машинально выпрямилась: деваться было некуда. И тут Иван оцепенел от внезапного потрясающего откровения: перед ним в тёмной бабьей юбке в сборку, выцветшей синей в красный горошек ситцевой кофте и в надвинутом на глаза белом платке, завязанным у подбородка, тщательно выбритый, с тяпкой в руках стоял командир его полка.

Встретившись взглядом с младшим офицером с лицом, вспыхнувшим багровыми пятнами от невыразимого стыда и неожиданного отчаяния, затем внезапно побледневший, он с минуту мучительно размышлял, так же потрясённый этой встречей. Затем, словно пытаясь облегчить своё состояние, молча расстегнул ремешок довольно дорогих часов и дрожащей рукой протянул их лейтенанту. Тот стоял неподвижно и будто ничего не понимал. В глазах стояла кромешная темень, пронзённая ослепительным лучом света. Несчастный лейтенант чувствовал лишь сумасшедший круговорот мыслей, который лишал возможности осознавать происшедшее.

Через какое-то время невероятным усилием воли ему всё же удалось вернуть своё сознание в представшую реальность. Он, скорее машинально, взял сверкающие на солнце протянутые часы и мгновенно почувствовал, что отныне и навсегда в ответе за принятый откуп, который является и его ношей, и он должен разделить цену этого неординарного события. Иван понимал, что она слишком высока, но он успел переступить черту, за которой выбора уже не было, и где становился как бы заложником собственной совести. Лейтенант хорошо сознавал, что с этого момента оказался обязанным тайне, которую должен хранить

Как ни стыдно было признать, но он принял эту плату, которая могла сослужить ему неоценимую службу в будущей жизни. Он успел почувствовать жестокость этой безумной и, уже становилось ясно, долгой войны.

IV

Пару недель назад их свёл случай. После боёв наступило временное затишье. Хмурое небо, сплошь заволоченное тёмно-серыми тучами, низко свисавшее над уже осквернённой землёй, казалось, пыталось защитить её от зловещих железных птиц, словно понимая, что лишь оно способно отвлечь падающую с его необозримых просторов смерть. Лил неторопливый серый дождь, и бомбардировщики не летали. Одежда и сапоги солдат и офицеров отступавшей армии промокли насквозь, в них трудно было передвигаться, и люди в тупом молчании кое-как сооружали шалаши. Постепенно дождь стихал, небо стало покрываться нежно-голубыми пятнами и вскоре засияло звенящими лучами щедрого солнца. Люди стали разводить костры, чтоб как-то обсушиться и передохнуть.

Внезапно прилетел вражеский бомбардировщик, немного покружил и начал сбрасывать на лагерь бомбы. Несчастные военные в панике бросились бежать, самолёт же, покачивая крыльями с нарисованными свастиками, словно прощаясь и обещая вскоре вернуться, быстро удалился. На дымящейся земле рядом лежали погибшие, раненые и те, кто уцелел. От предсмертных криков раненых леденела кровь живых, и они были не в силах воспринимать окружающее.

Через какое-то время несчастные люди, подсознательно сбиваясь в тесные кружки и сидя на быстро сохшей земле, опустив головы, мало-помалу стали приходить в себя. Умирали тяжелораненые, крики и стоны постепенно стихали, но кое-где едва слышались слабые просьбы о помощи уйти из жизни. Кто-то нерешительно предложил похоронить погибших, но его никто не поддержал, никаких сил не было, да и рыть землю было нечем. Солдаты и офицеры с оупляющим чувством бессилия и обречённости сидели рядом, словно не замечая друг друга.

Через какое-то время лейтенант Ховрич встретился взглядом с человеком, который будто разглядывал его, это был подполковник. Он был босым, по ноге стекала небольшая струйка крови, которая, однако, не останавливалась. Подполковник жестом подозвал к себе лейтенанта, приказал ему снять сапоги вместе с портянками для него с кого-нибудь из убитых и вручил срезанную ножом ветку дерева по их размеру. Иван обязан был подчиниться. Он быстро выполнил приказ своего командира, аккуратно перевязал ему раненую ногу и помог обуться. Тот искренне поблагодарил лейтенанта и в благодарность протянул пачку галет. Они хорошо запомнили лица друг друга.

V

Слепой и нелепый случай свёл их во второй раз. К ним подошла женщина – обыкновенная сероглазая русская крестьянка средних лет, хозяйка усадьбы, в такой же темной юбке и собственноручно сшитой светлой цветастой ситцевой кофте. Она была из тех, на ком держится нелёгкая деревенская жизнь. Своей нехитрой житейской мудростью она быстро и адекватно оценила сложившуюся ситуацию.

На днях она приютила своего соотечественника – советского подполковника отступающей Красной Армии в своём жилище, пусть и небескорыстно, но и нисколько не сомневалась в своей правоте. Женщина совершенно справедливо рассудила, что никто не имеет права упрекнуть её в таком поступке, поскольку наступили новые законы жизни – жестокие и нечестные. А правда, она всегда меняется. После того, как нелюбимый муж ушёл на фронт, всё нехитрое хозяйство легло на её хрупкие плечи, и хозяйка избы ещё не успела толком осознать, кака трудная жизнь ждёт её впереди, как нелегко будет растить троих детей. Но на душе стало легче, когда муж ушёл на фронт: он частенько напивался и избивал жену, срывая свою злобу в беспросветной колхозной нищете, которую влачила семья. Но голода в настоящем его смысле всё же не было. Небольшое хозяйство, в котором были даже несколько кур и коза, позволяло худо-бедно прокормиться.

Женщина надеялась, что как-то да будет. О войне она старалась не думать, понимая, что судьбу не изменишь. Уходить было поздно, да и некуда. Ей стало неимоверно жаль голодного, едва стоявшего на ногах офицера. В нём она увидела только человека – несчастного и обречённого, поздно вечером постучавшего в дверь её избы в последней хрупкой надежде на спасение. От подполковника у него не оставалось ничего, кроме грязной армейской формы, а тупой несчастный взгляд, цена которому – жизнь, выдержать было невозможно.

Через несколько дней по всей деревне лежали белые бумажки – немецкие листовки. Женщина понимала, что рискует собой и детьми, но прогнать невольного поселенца из своей избы уже не могла, да и не хотела. В глубине души она надеялась, что обойдётся, что немцам их деревня неинтересна и что нужна им только Москва.

Теперь, в огороде, женщина судорожно размышляла, как быть. Мысли её застыли, наконец, на единственно правильном решении. Она быстро сбегала в избу, благо, дети ещё спали, и собрала в узелок нехитрую снедь: ломоть хлеба, пару яиц, по несколько огурцов, яблок, луковиц и вчерашних варёных картофелин. Немного подумав, набрала черпак воды и доложила по кусочку сала и сахара-рафинада.

Вернувшись в огород, женщина молча протянула всё это лейтенанту, который в том же оцепенении стоял в огороде и невидящим взглядом смотрел перед собой. Подполковник стоял прямо, и весь его вид был полон муки, безысходности и душераздирающей тоски. Младший офицер машинально взял свёрток и жадно выпил воду. Никто из троих не произнёс ни одного слова, но ум каждого лихорадочно работал, отдавая полный отчёт в том, что этот момент запечатлит вечность. Медленно повернувшись, опустив голову, нежданный гость, как в забыты, побрёл к лесу. Теперь только там был его дом.

Несчастный лейтенант чувствовал свой неповиновавшийся рассудок. Но, проявив немало мужество, на какое был только способен, он всё же сумел привести свои мысли в надлежащий порядок, выстроить необходимую иерархию и обратиться к своей двадцатичетырёхлетней мудрости. Он заставил себя поискать в огромном открывшемся мироздании оправдывающие обстоятельства поступка своего командира. Это было трудно, слишком трудно, но он нашёл его – несчастное и бесславное, но всё-таки твёрдое, чёткое, ясное и бессудное оправдание, имевшее высший подлинный и трагический смысл. Он не смог бы жить без этого найденного решения, и его определённости помогла ему обрести какое-то облегчающее умиротворение.

В голове стремительно светлело. Лейтенант решил положиться на свой ум и судьбу, несмотря на то, что она тяжкой чёрной дланью бесчестно распростёрлась над его головой, затмив прозрачное голубое небо, солнечно сиявшее в те летние дни над смоленской землёй.

У края огорода привольно развалились, словно отдыхая, сочные заросли бузины, лопухов, прочей сорной травы и огромный ивовый куст. Иван сел, развернул свёрток с едой и с удовольствием, какого не помнил, начал есть. Душа его сразу же почувствовала божественный прилив сил, она всеми фибрами как бы кричала: «Я есть! Я существую! Я хочу жить!» И лейтенант, сморённый таким сладостным блаженством возрождавшейся плоти, удобно устроившись в лопуховых зарослях под роскошными ветвями кудрявой ивы, свисавшими до земли надёжным прикрытием от начинающего пригревать солнца, заснул глубоким крепким сном.

Летнее солнце, глупое, ничего не понимающее вечное вселенское светило, словно играючи, вальяжно и щедро распускало свои сверкающие лучи и уже нещадно палило. Иван проснулся. В теле звенел здоровый и, как ни странно, бодрый дух, молодой отдохнувший организм пронизывало забытое и сладкое ощущение бытия. Он мгновенно вспомнил раннее утро. Голова, медленно заполнявшаяся туманом, становилась всё более тяжёлой, и уже начинала раскалываться, – не от боли, – ошеломляющее впечатление от неожиданной картины в крестьянском огороде вновь заполонило его разум и лейтенант уже не мог думать ни о чём ином. Он не чувствовал к подполковнику ни презрения, ни ненависти, ни брезгливости, ни жалости, он не смог бы определить своё отношение к нему. И, как ни странно, уже не осуждал.

VI

Внезапно он своим дальним подсознанием скорее почувствовал, чем услышал, раздававшиеся издали и заполнявшие бесконечное окружающее пространство перекликающиеся эхом окрики на хорошо знакомом немецком языке: «Шнель! Шнель! Шнель!»

В школе Ваня обнаружил незаурядные способности к немецкому и с огромным увлечением изучал этот красивый чужой язык. Он мог цитировать страницы музыкальной поэзии Шиллера и Гёте, иногда с наслаждением в одиночестве декламировал самому себе, и сейчас никак не мог осознать, что на этом языке говорят люди, пришедшие в его страну убивать.

Он не сразу понял, откуда несутся эти крики, но своим глубоким и ясным умом уже чётко понимал, что попал в плен, и что любое сопротивление будет глупым и бессмысленным. Лейтенант Иван Ховрич успел осознать, что страна находится в чрезвычайно серьёзной опасности, что советские войска деморализованы и беспомощны, но мысль эту вслух произносить не решался, помня о том, что родину опутала атмосфера страха, подозрительности и непонятого, ничем не объяснимого террора. Советская власть поощряла доноительство даже на близких, люди пропадали в безвестности. Отец отбывал срок где-то на севере как «враг народа», и в органах семье объяснили, что ей будет лучше, если о нём забудут. Иван понимал, что страна в состоянии безумия, и что с этим ничего поделать нельзя. И вот теперь эта война, сущность которой была за пределами разума.

Лейтенант машинально брёл в сторону леса, откуда, было хорошо видно, выходили измождённые военные Красной Армии. Они шли, казалось, нескончаемым

потоком, голодные, грязные, с безразличными бледными обречёнными лицами, волоча будто неподъёмные ноги. Скорее, это были невесты откуда взявшиеся тени, судьба которых была им безразлична. Оружия ни у кого не было. Окружающие их немцы помахивали автоматами, показывая куда идти.

На миг Иван потерял рассудок. Повернуть назад? А куда? Туда же, где он встретил подполковника? А как он будет жить, дышать, осознавать себя? Ни времени на размышления, ни выбора не было, и лейтенант с мгновенно прояснившейся головой пошёл навстречу судьбе. Он шёл медленным шагом, словно пытаясь оттянуть время, которое принадлежало ему, и в котором он ощущал свою личность. Несчастное сердце, готовое выпрыгнуть из груди, нещадно стучало и звенело набатом, но Иван ясно и уверенно отдавал себе отчёт в том, что последовать примеру подполковника позволить себе не сможет никогда.

Внезапно он увидел издалека нацеленный на него автомат. Молниеносный страх заставил поднять руки вверх и дуло отвернулось. Людей выводили на дорогу, ведущую к железнодорожной станции. Всех их ожидали лагеря в Германии. До Москвы было всего лишь около 300 километров.

Нескончаемые эшелоны с истощёнными пленными советскими военными расползались по стране, взрастившей чудовище XX-го века – германский фашизм. Их размещали во временные или постоянные лагеря, огороженные каменными стенами и колючей проволокой. Дожди – эти нудные проклятые европейские дожди отнимали способность мыслить и обостряли чувство бессильной злобы на судьбу. Пленные, много месяцев подряд видевшие над головой только небо, нежно голубое, с вальяжно проплывавшими пушистыми облаками, обыденно-серое, мутное, хмурое и неприветливое, дождливое или весело блистающее игривыми солнечными лучами, всюду раскинувшими свои ликующе издевательские блики, мечтали только о хлебе и крыше, теряя честь, совесть и человеческий облик.

Они жили в пространстве, именуемом страной Германией, на голой земле, получив, однако, разрешение разводить костры и варить картофельные очистки вместе с другими отходами, которые немецкие охранники вёдрами перебрасывали через ограду. Многие по опрометчивости побросали свои шинели ещё летом, когда стояла жара, и теперь горько сожалели о том, страдая от дождей, ветров и начинающихся заморозков.

Лейтенанту Ивану Ховричу по счастливой случайности ещё по дороге в лагерь удалось обменять у местных жителей часы, которые он получил от подполковника-дезертира, на сухари. Они оказались ценностью, которую нельзя было переоценить, в тех условиях это было самое настоящее счастье. Сухарей было довольно много, и Иван изловчился носить их на себе – в подшитой подкладке шинели. И хотя сухари очень скоро превратились в мелкое крошево, они здорово поддержали его жизнь. Лейтенант мысленно горячо благодарил судьбу, которая занесла его тогда в спасительный крестьянский огород.

Быт пленных в лагере заключался в ничегонеделании в изнуряющем голоде и ожидании распределения на принудительные работы на благо Третьего рейха. И всё же многие из тех несчастных людей понимали, что как-то надо поддерживать друг друга, по мере возможности помогать и подсознательно искали для себя если не товарищей, то возможных компаньонов. Каждый цеплялся за жизнь.

Вскоре Иван вместе с двумя товарищами попал на сельскохозяйственную ферму на западе Германии и был рад такому повороту в судьбе. Хозяин их, пожилой

немецкий фермер, оказался многое повидавшим в жизни неглупым человеком, мудро решив для себя на всякий случай по-человечески относиться к своим подневольным работникам, и старался не вызывать их недовольство. Молодые мужчины жили в сносном тёплом сарае с печкой, спали на соломенных тюфяках. Они получали хлеб, вдоволь картофеля и других овощей, по воскресеньям – по 100 грамм сахара, варили кашу из продела. Так что эти три с половиной года можно было считать вполне благополучными.

Никаких вестей о том, каково положение на войне, они не имели. Иван, хорошо владевший немецким языком, исполнял роль переводчика в своей маленькой компании, авторитет его у товарищей был непререкаем, и они чуть не боготворили его. Ссор и конфликтов практически не было, пленные хорошо понимали, что только их сплочённость даёт какую-то надежду на будущее.

VII

Однажды весной 1945 года Ивана подозвал хозяин и сказал, что война заканчивается, что Германия эту войну проиграла, и в ближайшее время их жизнь изменится. Как именно, никто не знал. Земля Германии, где находилась ферма, оказалась в американской зоне оккупации, и вскоре по радио было объявлены дата и время, когда все советские военнопленные должны зарегистрироваться в местных органах оккупационных властей.

Тревога и смятение, царившие в голове каждого, не давали покоя, а надежды на возвращение домой наполняли разум и тело сумасшедшей радостью. Но и подспудный ползучий страх угнетал всё сильнее и сильнее. Военные знали о словах Сталина: «У меня нет пленных, у меня есть только предатели». Но все они наивно полагали, что легко смогут доказать свою невиновность перед Родиной...

После года работ по репарациям на территории Германии освобождённые, по-прежнему военнопленные Красной Армии, огромной толпой стояли во дворе полуразрушенной школы в городе Геническе Херсонской области Украины. Здесь располагались фильтрационный лагерь и Управление контрразведки «СМЕРШ» НКВД СССР. Двор был огорожен высоким деревянным забором с фонарями и колючей проволокой, и несчастные люди с тяжкими мыслями разглядывали своё новое пристанище, где их встречала Родина. В длинном мрачном коридоре каждый из них ожидал своей очереди в бывшую классную комнату за обшарпанными дверьми, где был устроен кабинет и где определялась судьба каждого находящегося здесь.

Наконец, наступила очередь бывшего лейтенанта Красной Армии Ивана Ховрича. Как ни удивительно, но ему удалось сохранить свою военную форму. Истрёпанную и грязную, он тщательно вымыл её, надраил знаки отличия и с бешено колотящимся сердцем переступил порог кабинета.

Как долго шёл он эти несколько шагов! Слово воздушные, ноги переступали сами, они как бы отделились от тела, а сердце готово было выпрыгнуть из груди. Но лейтенант держался прямо, зная, что ни в чём не виновен, и хорошо понимал, что должен выдержать свой взгляд: он должен быть таким, какой может быть лишь у человека, которому нечего бояться. Идя к столу, Иван думал лишь об этом.

За столом сидели трое: майор и два полковника. Лейтенант со спокойным взглядом подошёл к сидящим перед ним офицерам. «Как они отнесутся ко мне? Будут ли ставить в вину пребывание в плену? Знают ли об отце, который был

арестован как враг народа и сослан куда-то на север без права переписки? А если спросят – отказался ли он от родства с ним? Что тогда?» Все эти вопросы молниеносно пролетели в голове, они могли кружить ещё долго, но Иван решительно взял себя в руки.

Майор держал в руках его «дело», которое было заведено ещё в Германии. Иван ждал. И тут... Его обожгло словно молнией! В глазах внезапно потемнело, бедный ум тут же покинул его воспалённое сознание. Иван почувствовал, как пол уходит из-под ног, он не мог ни слышать, ни говорить и изо всех сил пытался овладеть собой. Он отчётливо видел знакомого подполковника. Это был тот самый командир полка отступавшей, а затем пленённой, армии, которого лейтенант встретил в крестьянском огороде на исходе лета в начале войны на смоленской земле.

На миг они встретились взглядами. Полковник СМЕРШа тоже узнал лейтенанта. На мгновение в глазах его мелькнул ужас, и он тут же опустил голову. Лицо покрылось багровыми пятнами, руки задрожали мелкой дрожью, в этот раз он уже не мог смотреть прямо, как тогда. Иван до мельчайших подробностей помнил их встречу летом 41-го, его умоляющий, мучительно жалостный взгляд. Но всё-таки это был взгляд загравленного человека, который собой не владел: им владела эта жестокая война. Тогда во взгляде подполковника Красной Армии, хотя и жалко, но всё же чётко трепетало нечто, данное свыше, что давало ему хотя бы ничтожное моральное право на такой выбор.

Иван много размышлял об этом. Сейчас же, – это был уже полковник карательных советских органов, – он смотрел в стол, и, по всей вероятности, переживал свои самые тяжёлые минуты в жизни. Но и вряд ли не осознавал того, что лейтенант, дальнейшая жизнь которого решалась здесь, мог сделать заявление о его дезертирстве представительству «СМЕРШа» ещё в Германии весной 45-го!

Лейтенант медленно приходил в себя. Майор, сидевший рядом с другим полковником, уже злобно кричал на него, потому что тот молчал. Но всё же Иван нашёл в себе силы ответить на все вопросы, и под конвоем был отправлен во временный лагерь, а попросту – кусок обычной степи, обнесённый колючей проволокой. Пленным было велено ожидать своей участи.

Через какое-то время стали оглашать списки. Собравшихся людей размещали по грузовикам. По тому, КАК это делалось, многие понимали, куда их увезут. С диким остервенением обезумевшие люди бросались на охранников, пытались завладеть оружием, но эти бунты жестоко подавлялись шквальной стрельбой и уцелевшие тупо сидели, уже не ощущая себя людьми, и ни на какие-либо подступки были не способны.

Тянулись бесконечные дни. Фамилию лейтенанта всё ещё не называли. Такого страшного времени в его жизни не было ни на войне в 41-м, ни в плену в Германии.

Однажды к Ивану незаметно подошёл конвоир и тихо сказал, чтоб тот следовал за ним. Его привели в маленькую комнатку, вероятно, бывшую учительскую. В углу за столом сидел тот самый майор, который допрашивал его в первый раз. Ни слова не говоря, он протянул лейтенанту воинское удостоверение с его фамилией, и так же молча показал пальцем, где надо расписаться. Дрожая всем телом, Иван поставил свою подпись, взял в руки бесценный кусочек бумаги в сером матерчатом переплёте, и, не веря случившемуся, словно в невесомости, направился к выходу. Окрик заставил его вернуться. Майор снова показал, где надо расписаться,

и выдал разрешительный документ на право передвижения по железной дороге на территории Украины. Иван так же машинально расписался и, не помня себя, вышел на улицу. Он не верил, что весь этот ад – позади...

Лейтенант долго шёл по просёлочным дорогам к железнодорожной станции, был безмерно счастлив, но всё же тяжело и мучительно размышлял. О том, какая страшная была война, о том, как мёрзли под открытым небом Германии пленные почти до конца 1941 года, как теряли всё человеческое. Иван с теплотой вспоминал о старом немецком фермере, о том, как искренне блестели его глаза, когда говорил, что не хотел этой войны, и ещё о многом другом.

Впечатления от встреч с командиром полка в крестьянском огороде на Смоленщине в 41-м и с ним же, как представителем Главного управления советской военной контрразведки в 46-м, были на разных планетах. Лейтенант хорошо понимал, что эти два поразивших его разум события – единое неразрывное целое, и что именно ему он обязан жизнью. А также и то, что до конца своих дней он будет осмысливать сущность этих двух встреч. И знал, что никогда её не постигнет.

Он заставил себя вернуться к мыслям о ближайшем будущем и почувствовал, с какой сумасшедшей радостью зазвенело сердце. Сияло небо, вокруг весело чиркали беззаботные воробьи, тепло распахивало свои ласковые объятия, а лёгкий прохладный ветерок приятно обвевал лицо. Сквозь две незабываемые встречи простиралось мироздание...

После освобождения мой будущий отец Иван Игнатъевич Ховрич много лет добивался разрешения на поступление в институт, т.к. бывших пленных в вузы не принимали. После смерти Сталина обстановка в стране смягчилась, и он, уже имея благополучную семью, поступил в Сумской пединститут на физмат. Затем преподавал в школе на своей же родине, в г. Бурыни Сумской области Украины.

В восьмидесятых годах они с мамой перебрались в Воронеж, где жили две дочери и четверо внуков.

Трагические события войны, плен, фильтрационные лагеря оставили в душе отца глубокие незабываемые чувства. Но впечатления от тех двух встреч на протяжении всей его жизни оставались сильнейшими.

